

УДК 316.32:332.834.7

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-614-621

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО АКТИВИЗМА В РОССИИ

Яковлева Ольга Константиновна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Социальную активность предлагается считать оценкой качества общественных преобразований, связанных с формированием гражданского общества в России, построением социального, демократического государства, обеспечивающего повышение качества жизни, реализацию прав и свобод граждан. Поскольку изучаемое явление имеет явно выраженный междисциплинарный характер, социальный активизм и благотворительное поведение рассматриваются с точки зрения деятельностно-активистского подхода в социологии Э. Гидденса, А. Турена, П. Штомки, В. Ядова. Выявление социокультурных характеристик коллективной социально-исторической памяти российского социума (А. Ахиезер) дало возможность рассмотреть с этих позиций особенности проявления социально активного поведения массового субъекта и в современной России. При этом обращается внимание на специфические условия формирования социального активизма в период становления российской государственности. Современный период определен как отличающийся неопределенностью ориентиров развития структур гражданского общества и проявлением современного активизма в организационных формах «традиционного» и «нового» типов. При выявлении особенностей благотворительного поведения как формы активизма обращается внимание на наличие в российских практиках благотворения неформального, помогающего начала, бескорыстного, распространенного как «обмен благом», без расчета на близкую отдачу. Рассматриваются виды благотворительной деятельности, формы благотворительности, своеобразие благотворительного поведения, лежащие в рамках правовых, общественно определенных и социокультурных норм современного российского социума, при этом делается вывод, что образ благотворительности медленно входит в обычную практику жизни и пока с трудом закрепляется в общественном сознании.

Ключевые слова: социальный активизм, гражданский активизм, общественный активизм, гражданское и общественное участие, низовая самоорганизация, благотворительность, добровольчество, волонтерство, краудсорсинг.

CHARITABLE BEHAVIOR AS A FORM OF SOCIAL ACTIVISM IN RUSSIA

Olga K. Yakovleva

Perm State University

Social activity is usually considered to be a measure of social transformations associated with the formation of the civil society in Russia, the construction of a social, democratic state that ensures the improvement of the quality of life, the realization of the rights and freedoms of citizens. Since the phenomenon under study has a strongly marked interdisciplinary character, the article presents investigation into social activism and charitable behavior in terms of the activity-activist approach in the sociology of E. Giddens, A. Turen, P. Shtomki, V. Yadov. Identifying the socio-cultural characteristics of the collective socio-historical memory of the Russian society (A. Akhiezer) helped to consider these changes in socially significant subjects in contemporary Russia. The author of the article pays close attention to the specific conditions of the formation of social activism during the formation of the Russian statehood. The contemporary period is characterized by uncertain benchmarks for the development of the civil society and by manifestation of contemporary activism in organizational forms of «traditional» and «novel» types. Identifying the characteristics of charitable behavior as a form of activism, the article draws attention to the following feature of Russian charitable practices: here functions an informal, helping, altruistic basis, when the good is exchanged for the good without hoping for a close

return. The article considers different kinds of charitable activity, forms of charity, the originality of charitable behavior that lies within the framework of legal, socially defined and sociocultural norms of the contemporary Russian society. Nevertheless, the author concludes that the image of charity is slowly entering the ordinary practice of life and is far from being entrenched in the public consciousness.

Keywords: social activism, civic activism, public activism, civil and public participation, grass-roots organization, charity, volunteering, crowdsourcing.

Введение

Обращаясь к проблеме изучения особых форм социально активного поведения, каким, бесспорно, является благотворительное, заметим, что тема социальной активности, особенно в последнее время, часто возникает, когда речь заходит об оценке качества общественных преобразований, связанных с формированием гражданского общества в России, построением социального, демократического государства, обеспечивающего повышение качества жизни, реализацию прав и свобод граждан. В этих условиях социальная активность индивидов и групп становится важным ресурсом общественных преобразований и объектом внимания исследователей.

Поскольку изучаемое явление носит явно выраженный междисциплинарный характер (теме социальной активности индивидов и групп в разработке парадигм коллективного действия и теории мобилизации ресурсов посвятили свои работы Дж. Мак-Карти, М. Залд, М. Ольсен, А. Смит и Дж.С. Милль), для изучения его с методологической точки зрения необходимо работать в какой-то одной системе взаимосвязанных понятий. В научной литературе при характеристиках гражданской активности часто употребляются как совпадающие по смыслу понятия: «общественный активизм», «гражданский активизм», «социальный активизм», «гражданское и общественное участие», «низовая самоорганизация», «инициативная общественная активность граждан». Однако мы полагаем, что понятия «гражданский активизм» и «общественный активизм» больше связаны с отражением публичности действия и не вполне передают содержание такой формы социальной активности, какой является благотворительность, поэтому считаем наиболее целесообразным использование понятия «социальный активизм». Следом за О.Н. Яницким и И.Б. Мардарь мы под социальным активизмом предлагаем понимать добровольную, инициативную, целенаправленную деятельность индивидов и их групп, ориентированную на социальные преобразования, участие в решении социальных проблем [1]. Так, И.Б. Мардарь предлагает рассматривать социальный активизм как деятельность, направленную на

достижение общественных интересов и целей, которая является неотъемлемой частью жизни общества [2]. Можно также сказать, что источники активизма заложены в самом существовании индивида, в его потребности в самореализации, свободе, признании и в обществе, которое через свои институты имеет возможность организовывать, направлять и контролировать социальную активность. Многообразие видов социального активизма в обществе хотя и связано с многообразием институционально закреплённых упорядоченных отношений, но не исчерпывается ими: оно «богаче» и разнообразнее этих отношений. Именно с социальным активизмом связано усложнение и развитие системы социальных связей и норм, определение значимости тех или иных общественных ценностей в поведении индивидов. Хотелось бы также уточнить: выявление особенностей благотворительного поведения как выражения гражданской активности в России связано с уникальными, ранее развитыми практиками помогающего поведения, распространённого как «обмен благом», которое носило неформальный характер местных норм, устных договорённостей, помощи без расчёта на вознаграждение и которое можно считать прообразом будущей благотворительности как социального института, но не синонимом благотворительного поведения.

1. Социальный активизм российского социума в условиях формирования массового нравственного идеала

Несмотря на то что периодизация изменений качества гражданского, общественного и социального активизма в России связана с коренными изменениями политического строя, циклы российской истории могут быть выявлены (и изучены) лишь при условии выхода исследования непосредственно на социокультурную реальность как на историю воспроизводственной деятельности конкретно-исторического субъекта. Деятельностно-активистский подход (Э. Гидденс, А. Турэн, П. Штомпка, В. Ядов) с опорой на теоретические подходы, связанные с исследованием коллективной социально-исторической памяти (Я. Зерубавель, П. Нора, А. Ахиезер), позволяет рассматривать самовоспроизводственную дея-

тельность массового субъекта как направленную на преодоление постоянно возникающих социокультурных противоречий, противоречий между господствующим массовым нравственным идеалом и реальными социальными отношениями этого субъекта как целого.

В короткой истории формирования и преобразования практик гражданского и общественного активизма в России условно можно выделить два этапа: дореволюционный (1900–1917 гг.) и советский (1917–1982 гг.) периоды. Для дореволюционного периода характерно проведение либеральных реформ, связанных прежде всего с отменой крепостного права и земскими реформами. В январе 1864 г. вышло Положение о земских учреждениях, предназначенных для заведования местным хозяйством: они-то и должны были дать выход стремлениям либерально настроенных кругов к самоуправлению на местах и на этой основе улучшить местное хозяйственное управление, однако попытки ввести земства в систему государственных учреждений, государственного управления закончились полной неудачей.

У социального же активизма, распространенного в границах российского государства, «своя», во многом уникальная, история, связанная с доминированием и постоянным, настойчивым воспроизводством массовых, коллективных форм общественной жизни и коллективных практик владения землей и ведения хозяйственной деятельности. Согласимся с мнением А.С. Ахиезера о том, что особенности развития социального активизма в России связаны прежде всего с условиями: это нежелание, неспособность людей поддерживать государство, отсутствие ценностей большого общества в культуре, что исключало возможность государства вмешиваться в управление процессом, культурная программа массового сознания имела утопический, догосударственный характер [3, с. 101–108]. Можно, конечно, возразить и сослаться на наличие в социально-исторической памяти российского общества практик социального активизма, связанных с управлением общинным порядком, но управление это касалось, в основном, решения хозяйственных вопросов, практики распространялись по горизонтали, не выходя на другие уровни, и носили локальный характер местных активистских традиций [3, с. 273].

Однако, несмотря на неудачи Великих реформ, уже в конце первого периода, когда в результате повышения уровня активности и организованности социальных движений и проведенных государственной властью либеральных реформ появ-

ляются, медленно, но развиваются такие практики активизма, как участие в организованных формах управления на муниципальном, региональном уровнях и на уровне управления страной, выработка способов рекрутирования и мобилизации граждан в деятельность таких организаций.

Считается, что советский период коренным образом изменил ориентиры и приоритеты общественного и социального активизма. Однако провозглашенные принципы самоорганизации граждан были достаточно скоро заменены на разрешенные централизованным управлением и запрещенные властью. Постепенно образовался к концу советского периода, к объявленной в стране перестройке, раскол между государством и обществом, связанный с необратимой дезорганизацией, с распадом, с конфликтом частей общества между собой, с беспомощностью государства перед распадом связей, способных стать узловым пунктом единства общества. Конфликт усугубился стремлением отдельных территорий сопротивляться навязанным через распространенные социокультурные практики единству и эфемерной целостности. Специфика расколотого общества, считал А. Ахиезер, приводит к «бесконечному спору общества и государства, где последнее слово остается всегда за многомиллионным народом. Именно народ своей воспроизводственной активностью или пассивностью способен показать государственному управлению, что последний — всего лишь тень общества со всеми его достоинствами и слабостями» [3, с. 108]. Сила государства, которая проявляется в насилии, в попытках поднять народ против «зла», внешнего или внутреннего, рассеивается, когда речь идет о решении внутренних, позитивных, творческих задач. Сами эти творческие задачи требуют субъекта, ориентированного на развитие и прогресс, тогда как реально он оказывается еще на уровне статичных ценностей.

2. К вопросу о специфике социального активизма в современном российском обществе

Современный период также отличает неопределенность ориентиров развития структур гражданского общества, активизм проявляется в организационных формах «традиционного» и «нового» типов, в организации и видах деятельности, способах управления и коммуникациях, присущих как советскому, так и новому времени. Недостаточный уровень социального активизма граждан, несомненно, долгое время сдерживал развитие институтов гражданского общества. Создался

стереотип, согласно которому российское общество характеризуется как апатичное, инертное, безразличное ко всему, что не касается частной жизни. Однако в последнее время произошли существенные изменения: развиваются новые формы гражданского, общественного и социального активизма, расширился диапазон направлений действия общественной активности, в практики социальной активности вовлекаются все новые и новые участники, социально активное поведение становится все более осмысленным, организованным и настойчивым. Современные исследования состояния социального активизма через изучение распространенности в российском обществе моделей поведения в русле гражданского активизма показали, что устойчивый, распространенный стереотип о массовой инертности в решении общественно значимых проблем уже не соответствует действительности. Так, исследование Института социологии РАН, проведенное еще в 2014 г. (1600 респондентов, 10 социальных групп населения, в 58 поселениях), показало, что среди опрошенных 37 % ориентированы на инициативность, умение добиваться успеха, чувство собственного достоинства, рациональность, готовность к сотрудничеству, что численно превысило характеризующихся инертным поведением (27 %) [4, с. 15]. Авторы статьи, опубликованной по результатам исследования, пришли к выводу, что «на фоне сравнительно невысокого уровня политического и общественного участия меняется качество этого участия. Оно становится более осмысленным, социально мотивированным и для многих совершенно бескорыстным. Основное место в структуре мотивов занимают стремление защитить свои права, возможности общения с единомышленниками, а также стремление сделать мир лучше» [5, с. 17].

Конечно, социальный и гражданский активизм в России имеет региональную, и местную специфику. Так, исследование, проведенное в качестве традиционной традиции в двух небольших городах Пермского края, выявило как имеющийся потенциал локальной власти, так и устойчивое представление о ней населения как «недовласти», только отчасти справляющейся со своими обязанностями, но не обладающей реальными полномочиями и свободой действия. Сегодня мы наблюдаем рост интереса индивидов и групп к разнообразным неформальным формам низкой самореализации — добровольчеству, волонтерству, благотворительности, «движению одного требования» и т.д. Можно сказать, что в России

происходит примерно то, о чем писали А. Турен и Р. Инглхард применительно к европейским реалиям в анализе ситуации конца XX в., когда обозначали ситуацию социального активизма как отказ общества служить «дисциплинированным войском» политикам, что выражается в стремлении людей доводить общественные требования напрямую [6].

3. Благотворительное поведение в современной России как массовый социальный феномен

Благотворительность как особый, специфический социальный феномен изучалась многими авторами. Отношение к ней социологов выражается в крайних плоскостях. Г. Спенсер, сторонник естественной эволюции видов, считал, что такая помощь вредна, ибо в результате индивид слабый получает поддержку и уравнивает свое положение против сильного, что нарушает дифференциацию [7, с. 52]. Близкой по смыслу является точка зрения П. Лафарга в очерке «О благотворительности», согласно которой благотворительность как таковая бессмысленна и безнравственна и лишь провоцирует появление надежды на помощь и формирование привычки получать помощь. Можно сказать, что точка зрения современных исследователей отражена в определении благотворительности, данном в социологическом словаре, где под благотворительной деятельностью понимается «деятельность граждан и физических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию любой поддержки» [8, с. 75]. Благотворительность сегодня — мировая практика, однако виды благотворительной деятельности, ее формы, все своеобразие благотворительного поведения находятся в рамках правовых, общественно определенных и социокультурных норм. При выявлении особенностей благотворительного поведения в российском обществе обратимся вновь к уже названному методу исследования истоков массового поведения — выявление своеобразия культурно-исторического идеала, так как мифы массового сознания, получившие массовое распространение, — самая грозная сила в обществе; и прав был К. Маркс, говоривший, что «сознание становится материальной силой, когда оно овладевает массами». Благотворительное поведение как массовое в российском обществе на ранних стадиях развития было распространено скорее в качестве

поведения неформального, помогающего, но самовоспроизводящегося, благодаря коллективным практикам крестьянского мира. О феномене помогающего поведения в различных формах его проявления уже говорится в теории обмена Дж. Хоманса и П. Блау, хотя в качестве исследователей, подготовивших социологическую теорию обмена, можно назвать Б.Ф. Скиннера, также в связи с этим следует отметить значимость трудов социальных антропологов и этнографов — Б. Малиновского, А. Радклифф-Брауна, М. Малиновского, М.М. Мосса, К. Леви-Стросса. Так, П. Блау в основе структуры социальных ассоциаций, происходящих в них процессах интеграции выделял в практиках обмена такие черты, как привлекательность, одобрение, **взаимость** в рациональном поведении. В отличие от экономического обмена социальный обмен предполагает добровольное и инициативное представление выгод и услуг другому, что создает диффузные обстоятельства (Блау), вовлекает факторы, создающие будущие диффузные обстоятельства, не специализированные четко, при которых природа возврата может не оговариваться, но по большей части предполагает того, кто ее осуществляет. П. Блау, например, вслед за антропологами отмечает среди свойств обменного поведения осуждение поспешной взаимности. Ценность в общинном обмене не носит внешний характер в отношениях обмена. Это выгоды, которые вступают в социальный обмен, что означает, что их предоставление не предусмотрено оговоренным вознаграждением, хотя и есть общее ожидание взаимности. Формы социальных ассоциаций, порожденных процессами обмена, считал П. Блау, со временем создают сложные социальные структуры. Общие ценности выступают в процессах обмена посредниками и делают возможным непрямыми обмены, координируя таким образом действия в больших общностях и легитимизируя социальный порядок [9, р. IX]. Помогательное поведение в российском варианте можно было бы назвать просоциальным, если бы оно было индивидуальным, воспроизводимым отдельными социальными группами и не получило бы массового, коллективного, закрепленного в практиках локальных сообществ воплощения во всем большом обществе. Конечно, соборные институты основаны на связях, близких, непосредственных, эмоциональных — жить «миром», править хозяйство «миром», все на виду, все «прозрачно», все сразу оценивается всеми... Но «благодарность устанавливает узы взаимодействия, взаимности услуг, ответной услуги даже тогда,

когда они не гарантированы внешним побуждением» [10], обмен же благом при отсутствии вознаграждения, коллективная помощь без расчета на близкую отдачу — вот признаки особого нравственного идеала, формирующего представления о добре и зле и организующего поступки массового субъекта в его началах благотворительного поведения. Социальная отзывчивость, власть и богатство имущих только со временем, постепенно становится групповым просоциальным, а затем благотворительным поведением. Длительное время описанные практики существуют в отрыве вследствие раскола между большим обществом и локальным миром.

Благотворительное поведение россиян в его индивидуальных, групповых, организационных, массовых формах, детерминируемое и интегрируемое различными социокультурными институтами и механизмами, не так часто попадает в поле зрения науки и, как ни странно, социологии тоже. Сфера благотворительности в России является достаточно молодой, динамично развивающейся, но уже со многими знаками вопроса. Помимо ограниченности ресурсов и слабой институционализации благотворительности в настоящее время одной из особенностей является низкий уровень доверия к благотворительным организациям. Последнее телефонное фокусированное интервью ВЦИОМ-СПУТНИК, проводившееся 1–3 сентября 2017 г. в 80 регионах, 500 городах и ПГТ РФ (1800 респондентов), показало, что 70 % опрошенных не могли назвать ни одного из благотворительных фондов. И хотя с годами все больше россиян вовлекаются в благотворительную деятельность, граждане по-прежнему чаще предпочитают оказывать помощь адресно, нежели действовать через профильные организации, чаще используют различные каналы благотворительности. Так, в последние несколько лет адресную помощь в виде перевода денег на счет осуществляли 32 % опрошенных (2017 г.) (в 2007 г. — 4 %), в благотворительные фонды передавали средства 17 % (в 2007 г. — 4 %), передавали вещи в детские дома, дома инвалидов и т.д. 27 % (в 2007 г. — 19%) [11].

Эксперты из регионов — участники конференции «Благотворительность в провинциальной России: вызовы и решения» отмечают тенденции в развитии благотворительности и активизации благотворительного поведения в регионах: крупные компании стали чаще обращаться к региональным практикам, но в то же время НКО в регионах пока не могут «перетянуть» деньги жертвователей в местные фонды. Региональным НКО

труднее попасть на телевидение с рекламой. Нет запросов на проведение социологических исследований от региональной власти, а ведь задача власти — создавать «моду» на благотворительное поведение [12].

Рост и улучшение качества благотворительности и помогающего поведения в условиях реализации стратегической задачи модернизации России имеют огромное значение. С одной стороны, благотворительная деятельность направлена на поддержание стабильных отношений в социуме, нивелирование ряда социальных проблем, активизацию ресурсов развития страны. С другой стороны, распространение практик благотворительности, помогающего поведения может привести к «качественным» изменениям в сознании россиян: к повышению ответственности, мобильности, активности, а также к большей привлекательности просоциальных видов поведения [13].

Выводы

Исследование «Рейтинг мировой благотворительности» британский благотворительный фонд (World Giving index) CAF проводит на основании данных всемирного опроса компании Gallup's World View poll. В рейтинге 2016 г. приняли участие 148 000 человек из 140 стран. Место страны в рейтинге зависит от среднего значения по 3 показателям: денежным пожертвованиям в благотворительные организации; участию граждан в качестве волонтеров и оказанию помощи нуждающимся незнакомым людям. По оценке фонда, в седьмой раз опубликовавшего рейтинг мировой частной благотворительности (World Giving index), доля россиян, жертвующих в некоммерческие организации, выросла с 2015 г. в 2 раза и составила 18 % населения. Численность волонтеров за это время снизилась, незначительно выросло количество оказывающих непосредственную помощь нуждающимся. В общемировом значении Россия поднялась за период с 2010 г. на 3 позиции и занимает 128-е место из 140 [14].

Можно сказать, что перечисленные показатели свидетельствуют об изменении качества благотворительной деятельности в России, но они же и показывают, как невыгодно отличаются размеры благотворительности в сравнении с другими странами и на решение каких вопросов должны быть направлены усилия всех организаций, заинтересованных в создании здорового общественного климата для развития благотворительности в России. Изменения произошли буквально за 7–8 лет, притом существенные: появилось великое

множество благотворительных фондов, в том числе частных, корпоративных, государственных, региональных, местных сообществ. Большое значение в развитии отношений между гражданскими инициативными сообществами и государством имеет вступивший в силу ФЗ № 287, разрешающий делегировать НКО исполнение некоторых публичных услуг, упрощен порядок получения и увеличен до 4,3 млрд. руб. бюджет президентских грантов [15]. Институциональная благотворительность в настоящее время представлена по самым различным направлениям благотворительной деятельности, однако проблема доверия населения и к фондам, и к НКО остается одной из наиболее актуальных. Вопрос, конечно, в том, насколько практики благотворительности ориентированы на оказание услуг, насколько адресно их производят, какой эффект они оказывают. Определенную роль играют существующая в крайних формах атономизация социума, повышенная тревожность и привычное состояние не верить властным органам управления и общественным институтам, которые забюрократизированы и которым нет дела до нужд «простого» человека, однако сохраняются в массовой культуре и настроения патерналистские, признаки которых можно фиксировать по содержанию ежегодных обращений к Президенту страны. Можно констатировать, что образ благотворительности медленно входит в повседневную практику жизни и с трудом закрепляется в общественном сознании, например, в ходе опросов общественного мнения россияне причисляют к благотворительным организациям Пенсионный фонд, социальные службы, церковные организации, не оценивают и не считают свою деятельность благотворительной (хотя эпизодически ею занимаются).

Отмеченная позитивная динамика развития благотворительной активности в России, появление различных инфраструктурных элементов, ассоциаций, профильных средств массовой информации связаны и с развитием интернет-технологий, с использованием социальных сетей. Можно привести в пример появление и использование, в частности, такой формы социального активизма и гражданского участия, как волонтерство, добровольчество, краудсорсинг (новое волонтерство, при котором происходит передача некоторых производственных проблем неопределенному кругу лиц для решения силами добровольцев, координирующих свою деятельность с помощью информационных технологий) [16]. Новый секретарь общественной палаты В. Фадеев, оценивая бум волон-

терства, назвал его природным явлением («помогать — в природе человека»). Он считает, что в людях стала проявляться потребность благоустроить жизнь вокруг себя [17]. Таким образом, социальная отзывчивость, социальная ответственность и социальная активность все больше становятся требованием времени и условием жизни. Современные инноваторы не могут не ориентироваться на решение современных проблем, и активизм становится важнейшей мотивацией поступков современного человека.

Список литературы

1. Яницкий О.Н. Общественный активизм в России: вчера и сегодня // *Власть*. 2015. № 2. С. 53–60.
2. Мардарь И.Б. Проблемы трансформации социального активизма в России (на примере крупного города) // *Модернизация России: научные и образовательные проблемы* / под ред. О.Н. Яницкого. М.: ИС РАН, 2008. С. 31–39.
3. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т. 1. 804 с.
4. Петухов В.В., Барааш Р.Э., Седова Н.Н., Петухов Р.В. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // *Власть*. 2014. № 9. С. 11–19.
5. Реутов Е, Колпина Л. Общественный активизм в России и на Украине // *Власть*. 2014. № 8. С. 14–18.
6. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир. 1998. 204 с.
7. Спенсер Г. Основные начала / пер. с 5 англ. изд. П. Алексеева. Киев: Ф. Йогансон, 1886. 375 с.
8. *Социологический энциклопедический словарь* / под ред. В.Г. Осипова. М., 2007.
9. Blau P. Exchange and Power in social Life. N.Y.: Wiley, 1964. 352 p.
10. *The Sociology of Simmel* / ed. by K.N. Wolff. Glencoe: Free Press, 1950. 387 p.
11. *Всероссийский центр изучения общественного мнения*. URL: <https://wciom.ru/> (дата обращения: 17.09.2017).
12. *Благотворительность в регионах: эксперты назвали критерии и условия тиражируемости благотворительных проектов* / Пермский центр развития добровольчества. URL: <http://www.dobrovobлаго.ru/blagotvoritelnost-v-regionah-ekspertyi-nazvali-kriterii-i-usloviya-tirazhiruemosti-blagotvoritelnyih-proektov/> (дата обращения 17.09.2017).
13. Дудченко О.Н., Мытиль А.В., Зарипова З.Р. Перспективы развития благотворительности в России // *Россия реформирующаяся*. 2011. № 10. С. 389–403.
14. *Филантроп* — электронный журнал о благотворительности. URL: https://blago.ru/want_to_help/160/ (дата обращения 17.09.2017).
15. *Федеральный закон от 3 июля 2016 г. N 287-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О некоммерческих организациях” в части установления статуса некоммерческой организации — исполнителя общественно полезных услуг»* // *Российская газета: Федеральный выпуск*. 2016. 8 июн. № 7017(149). URL: <https://rg.ru/2016/07/08/nko-dok.html> (дата обращения 17.09.2017).
16. Хау Дж. Краудсорсинг. Коллективный разум как инструмент развития бизнеса / пер. с англ. М.: Альпина Паблишерз, 2014. 296 с.
17. *На стороне неудобных контрагентов* // *Русский репортер*. 2017. 26 июня – 24 июля. № 10–11(427). URL: http://expert.ru/russian_reporter/2017/10/na-storone-neudobnyih-kontragentov/ (дата обращения 17.09.2017).

Получено 31.07.2017

References

1. Yanitsky O.N. *Obshchectvennyy aktivizm v Rossii: vchera i segodnya* [Public activism in Russia: yesterday and today]. *Vlast'* [Power]. 2015, no. 2, pp. 53–60. (In Russian).
2. Mardar' I.B. *Problemy transformatsii sotsial'nogo aktivizma v Rossii (na primere krupnogo goroda)* [Problems of transformation of social activism in Russia (on the example of a large city)]. *Modernizatsiya Rossii: nauchnye i obrazovatel'nye problem* [Modernization of Russia: scientific and educational problems]. Moscow, Institute of Sociology of RAS, 2008, pp. 31–39. (In Russian).
3. Ahiezer A.S. *Rossiya: Kritika istoricheskogo opyta (Sotsiokul'turnaya dinamika Rossii)* [Russia: criticism of historical experience (Sociocultural dynamics of Russia)]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf Publ., 1998, vol. 1, 804 p. (In Russian).
4. Penuchov V.V., Barash R. E., Sedova N.N., Petushov R.V. *Grazhdanskiy aktivizm v Rossii: motivatsiya, tsennosti i formy uchastiya* [Civic activism in Russia: motivation, values and forms of participation]. *Vlast'* [Power]. 2014, no. 9, pp. 11–19. (In Russian).
5. Reutov E., Kolpina L. *Obshchectvennyy aktivizm v Rossii i na Ukraine* [Public activism in Russia and Ukraine]. *Vlast'* [Power]. 2014, no. 8, pp. 14–18. (In Russian).
6. Turen A. *Vozvrashchenie cheloveka deistvuyushchego. Ocherk sotsiologii* [The return of the person acting. Essay on sociology]. Moscow, Nauchnyy mir Publ., 1998, 204 p. (In Russian).

7. Spenser G. *Osnovnye nachala* [First Principles]. Kiev, F. Iohanson Publ., 1886, 375 p. (In Russian).
8. *Sotsiologicheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopedia of sociology]. Moscow, 2007. (In Russian).
9. Blau P. *Exchange and Power in social Life*. New York, Wiley, 1964, 352 p. (In English).
10. *The Sociology of Simmel*. Ed. by K.N. Wolff. Glencoe, Free Press, 1950, 387 p. (In English).
11. *Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya* [Russian investigation center of public opinion]. Available at: <https://wciom.ru/> (accessed 17.09.2017). (In English).
12. *Blagotvoritel'nost' v regionakh: eksperty nazvali kriterii i usloviya tirazhiruemosti blagotvoritel'nykh proektov* [Charity in Regions: experts announced criteria and terms of replicability of charity projects]. *Permskiy tsentr razvitiya dobrovol'chestva* [Perm center of the volunturism development]. Available at: <http://www.dobrovoblogo.ru/blagotvoritelnost-v-regionah-ekspertyi-nazvali-kriterii-i-usloviya-tirazhiruemosti-blagotvoritelnykh-proektov/> (accessed 17.09.2017). (In Russian).
13. Dudchenko O.N., Mytil' A.V., Zaripova Z.R. *Perspektivy razvitiya blagotvoritel'nosti v Rossii* [Prospects for the development of philanthropy in Russia]. *Rossiya reformiruyushchayasya* [Russia under Reform]. 2011, no. 10, pp. 389–403. (In Russian).
14. *Filantrop — elektronniy zhurnal o blagotvoritel'nosti* [Philanthropist— online magazine about charity]. Available at: https://blago.ru/want_to_help/160/ (accessed 17.09.2017). (In Russian).
15. *Federal'nyy zakon ot 3 iyulya 2016 g. N 287-FZ «O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon “O nekommercheskih organizacijah” v chasti ustanovleniya statusa nekommercheskoy organizatsii — ispolnitelya obshchestvenno poleznykh uslug»* [Federal law dated July 3 2016 № 287-FZ «On amendments to the Federal law “On non-commercial organizations” in the status establishment of a non-commercial organization — executing socially useful services»]. *Rossiyskaya gazeta* [Rossiyskaya Gazeta]. 2016, Jun. 8, no. 7017 (149). Available at: <https://rg.ru/2016/07/08/nko-dok.html> (accessed 17.09.2017). (In Russian).
16. Hau Dz. *Kraudsorsihg: Kollektivniy razum kak instrument razvitiya biznesa* [Crowdsourcing: Why the Power of the Crowd Is Driving the Future of Business]. Moscow, Al'pina Publishers Publ., 2014, 296 p. (In Russian).
17. *Na storone neudobnykh kontragentov* [The uncomfortable side of counterparties]. *Russkii reporter* [Russian reporter]. 2017, Jun. 26 – Jul. 24, no. 10–11(427). Available at: http://expert.ru/russian_reporter/2017/10/na-storone-neudobnykh-kontragentov/ (accessed 17.09.2017). (In Russian).

The date of the manuscript receipt 31.07.2017

Об авторе

Яковлева Ольга Константиновна
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: yakovleva.ok2016@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2209-7408

About the author

Yakovleva Olga Konstantinovna
Ph.D. in Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department of Sociology
Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: yakovleva.ok2016@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2209-7408

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Яковлева О.К. Благотворительное поведение как форма социального активизма в России // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 614–621.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-614-621

Please cite this article in English as:

Yakovleva O.K. Charitable behavior as a form of social activism in Russia // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 4. P. 614–621. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-614-621